

Такъ ошиблись поклонники Льва Толстого-художника, отрицая въ немъ великаго провозвѣстника религіознаго роста личности. Но не ошиблись ли они и въ первой половинѣ своего сужденія о Толстомъ: такъ ли безспорна для всего міра гениальная глубина его художественныхъ твореній? За то ли любятъ его, за что слѣдуетъ его любить? Четыре раза съ величайшей внимательностью вчитывался я въ „*Войну и Миръ*“. Четыре раза я поражаюсь вовсе новыми для меня штрихами. Передо мной—четыре другъ на друга непохожихъ романа „*Война и Миръ*“. Въ дѣтствѣ меня поразили всеобъемлющій охватъ событій, изображенныхъ Толстымъ; спокойныя контуры имъ обрисованныхъ лицъ медленно проходили передо мной въ событіяхъ великой александровской эпохи. „*Война и Миръ*“ показался мнѣ огромнымъ зеркальнымъ озеромъ, въ которое заглянула сама Россія; и романъ я воспринялъ какъ эпосъ. Во второй разъ принялся я за чтеніе „*Войны и Мира*“ послѣ изслѣдованія Мережковскаго; и спокойная ткань повѣствованія оказалась сотканной изъ лирическихъ вихрей безконечно малыхъ движеній творчества. Это была буря тончайшихъ и субъективнѣйшихъ переживаній, налагавшихся другъ на друга такъ, что сумма ихъ образовывала будто спокойный контуръ романа: зеркальное озеро толстовскаго творчества оказалось покрытымъ бурно вспѣнными волнами; и только величина озера да дистанція скрадывала размѣръ лирическихъ волнъ: издали спокойный фонъ повѣствованія покрывался пѣной и грохотомъ разбушевавшихся стихій. Въ третій разъ я вернулся къ „*Войнѣ и Мирѣ*“ около двухъ лѣтъ тому назадъ; и я по-новому изумился: дѣйствующія лица романа, тайники ихъ души оказались символами какихъ-то провиденціальныхъ чертъ души русской; многообразіе событій и лицъ показалось мнѣ многообразіемъ самой души Льва Толстого: я тонулъ въ этой душѣ, какъ въ глубокомъ морѣ; я не видѣлъ уже ни спокойнаго эпоса первыхъ отроческихъ воспріятій романа, какъ не видѣлъ я и психологической лирики; эта лирика оказалась не лирикой только: въ субъективнѣйшемъ показался мнѣ всюду транссубъективный смыслъ. Наконецъ, въ этомъ году вновь внимательно я перечелъ гениальное произведеніе Толстого: и оно поразило меня вовсе съ иной стороны; въ прозаическихъ разсужденіяхъ о войнѣ, въ характеристикѣ Кутузова, какъ идеала народнаго героя, увидѣлъ я опять вовсе новую для ме-